

И.С. НАЗАРОВА
доцент кафедры литературы БГПУ

**ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЕЧЕР КАК ФОРМА
РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА
(НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА Н.И. ФОТЬЕВА)**

Николай Иванович Фотьев – известный баснописец и прозаик, старейшина амурской литературы. 21 декабря 2007 года он отметил свой 80-летний юбилей и пятидесятилетие творческой деятельности: в 1957 году в Амурском книжном издательстве вышел первый басенный сборник писателя «Басни Николая Фотьева». За эти годы амурским автором было опубликовано более двадцати книг басен, рассказов, повестей и очерков. Имя писателя периодически появляется на страницах местных газет, журналов и литературно-художественных альманахов.

Сегодня, несмотря на преклонный возраст и ухудшающееся здоровье, Николай Фотьев продолжает трудиться и интересоваться литературной жизнью Приамурья. Очень скоро увидит свет новая книга писателя, в которую войдут две повести: «Поехали за орехами» и «Юбилей», а также басни, сатирические и лирические стихотворения, уже публиковавшиеся на страницах литературно-художественного альманаха «Амур» (№ 3, № 6).

21 февраля в Благовещенском государственном педагогическом университете прошёл литературный вечер, посвящённый юбилею замечательного баснописца и прозаика, в котором приняли участие студенты историко-филологического факультета и писатели – И.Д. Игнатенко и В.Г. Лецик.

Как показал опыт, литературный вечер – довольно эффективная форма реализации регионального компонента, позволяющая привлечь широкую аудиторию, и способствующая, таким образом, популяризации творчества талантливых амурских писателей. Вместе с тем, литературный вечер позволяет в доступной форме говорить о сложных теоретических проблемах: в данном случае, о проблеме бытования жанра басни в XX веке.

Прошлое столетие – особый период в истории развития одного из древнейших жанров словесного искусства. Его периферийное положение, обусловленное, в первую очередь, самой природой жанра, в советскую эпоху усугубилось ещё и внешними обстоятельствами. На протяжении нескольких десятилетий прошлого века сатире (а именно «сатирическая» традиция нашла продолжение в творчестве баснописцев XX столетия) отводилось место особенно неприглядное. Л.Ф. Ершов, один из исследователей сатирических жанров русской советской литературы, утверждает следующее: «В эстетической системе нового мира, где торжествует позитивный пафос, жизнеутверждающая концепция, отрицательное виделось где-то за сферой типического. А раз так, то и сатире отводилась скромная прикладная роль <...> Сатира рассматривалась как бы вне основного потока литературы социалистического реализма и если, в лучшем случае, с ним, то не в нём»¹. Эта же мысль находит подтверждение в сатирическом стихотворении Ю. Благова, впервые опубликованном в журнале «Крокодил» в знаменательном 1953 году:

Я за смех. Но нам нужны
Подобнее Щедрины.
И такие Гоголи,
Чтобы нас не трогали².

Действительно, участь писателя-сатирика в советское время была незавидной. Рассчитывать на «официальное» признание мог только тот, кто деликатно обходил стороной изъяны тогдашней эпохи. Подобной чести был удостоен только один баснописец – С. Михалков, критиковавший в своих баснях либо западноевропейский образ жизни, либо те пороки, которые существуют вне времени и пространства.

Басни Николая Фотьева всегда были и остаются социально значимыми. В большинстве из них баснописец вскрывает

¹ Ершов Л. Ф. Сатирические жанры русской советской литературы. М., 1977. С. 14.

² Благоев Ю. Крокодил. 1985. № 12. С. 14.

суть самых безобразных явлений советской и постсоветской действительности. Начиная свою трудовую деятельность в качестве зоотехника, он был возмущён тем, что планы и директивы относительно севооборотов, методов и сроков уборки урожая спускаются «сверху» теми, кто мало разбирается в сельском хозяйстве, а людям, выросшим на земле и досконально знающим её возможности, отводится роль бессловесных исполнителей. В одной из первых басен «Строго по плану» (1966) Фотьев жёстко раскритиковал известное направление хрущевской сельскохозяйственной политики:

Однажды житель юга – Слон,
В низы спуская планы,
Как говорится, допустил шаблон –
Велел везде выращивать бананы.
Вот с севера пришёл к нему протест.
Медведь писал: «Нет талых мест.
Все земли мёрзлые, и тут
Бананы не растут».
А Слон угрозы шлёт ему, нравоученья:
«Не земли мёрзлые у вас, а настроенья».
Что делать Мишке? Выполняя планы,
Он стал сажать во льдах бананы...³

Наверное, именно поэтому басни Николая Фотьева – очень острые, затрагивающие самые злободневные вопросы современности, в центральных периодических изданиях почти никогда не печатали, а когда баснописца принимали в Союз писателей СССР, в 1970 году, то вежливо напомнили, что принимают не за басни, а за прозу.

В рамках литературного вечера должен быть затронут вопрос о причинах обращения писателя к жанру басни. Сам Фотьев склонен объяснять это двумя обстоятельствами: «С ранних лет, кроме поэзии, я очень любил всякого рода театральные дей-

³ Фотьев Н.И. Претензий нет. Хабаровск, 1966. С. 29.

ства, которые, видимо, и подвинули меня к этому жанру. <...> Сказались также крестьянская жизнь и влияние родной природы – алтайских гор и тайги»⁴. В подтверждение своих слов писатель любит цитировать В. Жуковского: «Баснописец есть сын природы предпочтительно перед всеми другими стихотворцами»⁵. Вряд ли такое обоснование можно подвергнуть сомнению, но стоит добавить, что главной причиной, обратившей Фотьева к жанру басни, стала гражданская позиция писателя, его нежелание мириться с несправедливостью и закрывать глаза на людские пороки, стремление сделать жизнь лучше, а души людей чище.

В ходе литературного вечера необходимо обратить внимание на специфику жанра басни в творчестве амурского автора. Басня – жанр канонический, но Фотьев никогда не следовал слепо уже сложившейся традиции. Он всегда искал новые художественные средства для обогащения и развития этого жанра. Героями его басен всё чаще становятся люди, предметы, явления природы. Фотьев существенно изменяет традицию озаглавливания басен, активно используя названия с усложнённой семантикой: пословичные («Пороть – не шить», «Не место красит», «Кто ищет, тот найдёт»), аллюзивные («Преступление и наказание», «Вражда и мир», «Кто виноват?», «Естественный отбор»), особенно характерные для литературы XX столетия. Часто баснописец отказывается от композиционно выделенной морали. Как правило, она содержится в самом сюжете, в способе подачи персонажа. Цель сатирика: воздействовать на читателя смехом, комическим рассказом, а не открытым нравоучением. Как известно, отказ от прямого дидактизма – одна из примет литературы нашего времени. Фотьев активно вовлекает читателя в процесс создания морального поучения, из диалога с ним рождается мораль.

Бытование жанра в творчестве амурского автора свидетельствует о том, что басня во второй половине XX века стано-

⁴ Фотьев Н.И. От автора // Фотьев Н.И. Мой путь. Благовещенск, 2002. С. 5.

⁵ Цит. по: Фотьев Н.И. От автора // Фотьев Н.И. Мой путь... С. 5.

вится менее замкнутой жанровой структурой. Она способна «примерять» на себя и соответствующим образом отражать все те тенденции и изменения, которые свойственны литературному процессу минувшего века.

В заключении первой части литературного вечера необходимо подчеркнуть, что басни Фотьева – явление национального масштаба. Как справедливо заметил Игорь Ерёмин, некоторые из них можно назвать «образцами этого трудного жанра». Моральные сентенции фотьевских басен афористичны, они сочетают в себе глубину мысли и лаконичность формы: «Ведь чем ничтожней окруженье, / Тем выше и заметней я»⁶; «Ведь дело вовсе не в гнезде, / А в том, какого рода птица»⁷ и др.

Несомненное достоинство литературного вечера заключается в том, что он даёт возможность затронуть самые разные аспекты творческого наследия писателя, представить его как единую жанрово-стилевую систему, свидетельствующую о целостности, незыблемости мировоззренческих принципов писателя.

Николай Фотьев кровно связан с землёй, в недалёком прошлом он заядлый рыбак и охотник. «Человеком природы» назвал его известный амурский прозаик, поэт, публицист и добрый знакомый – Алексей Воронков.

Так сложилась судьба, что Николай Фотьев стал городским жителем, но на лоно природы его тянуло всегда. Будучи журналистом, он вдоль и поперек исколесил амурскую землю, не переставая восхищаться её бескрайними просторами. Да и в свободное от работы время писатель не засиживался в городской квартире, а вместе с друзьями отправлялся туда, где ещё «не ступала нога человека» и куда добраться можно было только на вертолёте, на бронетранспортёре или на вездеходе. При этом он никогда не пасовал перед трудностями. Талантливый амурский прозаик Борис Машук, исходивший вместе с Фотье-

⁶ Фотьев Н.И. Мухомор // Фотьев Н.И. Житейский спор. Благовещенск, 1997. С. 36.

⁷ Фотьев Н.И. Воронье счастье // Фотьев Н.И. Житейский спор... С. 45.

вым немало путей-дорог, в своё время делился с читателями «Амурской правды» невыдуманными историями о том, как «путешественники» не раз оказывались лицом к лицу со смертью, чудом оставались живы, но, едва оправившись, вновь шли на встречу трудностям, поскольку знали, что в них закаляется человек, воспитывается твёрдость духа: «Можно вспомнить, как на одной из рыбалок, “удачно кувыркнувшись” из лодки, мы выгребали на берег под шуршание весенней шуги. Или как в поисках выхода из западни несколько раз спускались и поднимались среди отвесных склонов перевала, чувствуя хруст в коленях и цепляясь за редкий кустик, радуясь острому выступу камня»⁸.

Фотьев не просто любит родную землю, он испытывает к ней особые сыновние чувства. Земля для него – символ жизни, «начало всех начал». В творчестве художника она зачастую ассоциируется с образом женщины-матери:

Во всём кипит-бурлит весна.
Всё для любви и для объятий.
Земная плоть обнажена
Для новых всходов и зачатий.
*(«Река бурлит и рушит лёд...»)*⁹

Или:

В кругу первозданной природы,
На лоне кормящей земли,
Забуду печаль и невзгоды,
Что на душу камнем легли.
(«На заимку», с. 37)

⁸ Машук Б. Пути-дороги дальние // Амурская правда. 1997. 11 декабря. С. 5.

⁹ Фотьев Н.И. Мой путь... С. 34. Далее стихотворения цитируются по данному изданию с указанием страниц в скобках.

Корни таких представлений о земле уходят в детство писателя. Когда началась война, и отца забрали на фронт, семье Фотьевых пришлось очень туго. Мать писателя – Кристина Ильинична – осталась одна с четырьмя детьми, младшая Мария родилась в первый военный год. Выжили только благодаря щедрой матушке-природе: ловили рыбу, понемногу охотились, работали в огороде. С тех пор писатель твёрдо уверен, что земля, «на которой он стоит», – кормилица, поилица, врачевательница, способная вернуть человека к жизни, излечить его от духовных и физических недугов. Героиня повести Фотьева «Родительский день» (1982) Ирина Мерзликина, в судьбе которой прочитывается биография матери писателя, вспоминая о тяжёлом военном времени, рассуждает: «Как раздумаешься, почто не заболели, почто не умерли, так удивительно даже. Может, трава-то, она как лекарство была. Черемша, сказать – как чеснок вроде. А вместо воды, бывало, берёзовый сок пили. Да ещё из соку-то квасу наделаешь»¹⁰.

Несколько лет назад Н. Фотьева подкосила страшная болезнь, на долгие месяцы лишившая его возможности двигаться, и только работа на земле вернула писателя к жизни. В одном из самых живописных уголков нашего края, в Белогорье, прямо на берегу Зеи, он, преодолевая свой недуг, из брёвен, проплывавших по реке, построил добротный дом, а чуть позже – и настоящую русскую баню. Вновь почувствовав силу в руках, Фотьев с радостью помог срубить избу своим соседям – известным амурским художникам Леониду Шатону и Николаю Дегтярёву.

Долгие годы заимка была для Фотьева тем сакральным местом, где можно избавиться от душевной смуты и целиком погрузиться в глубины поэтического мира:

А я в избушке коротаю
Всю эту ночь за часом час.
То засыпаю, то мечтаю,
То поднимаюсь на Парнас.

¹⁰ Фотьев Н.И. Коренные берега. Хабаровск, 1982. С. 105. Далее повесть цитируется по данному изданию с указанием страниц в скобках.

Я благодарен стенам этим,
Они даруют мне покой.
Я сам рубил их прошлым летом
Из брёвен, посланных рекой.
(«В избушке», с. 30)

Или:

Скорей из города, скорей –
Туда, в избушку у протоки,
Где столько раз в тиши ночей
Давала муза мне уроки.
(«Уединюсь в своей избушке...», с. 12)

С каждым годом писателю, не имеющему собственного транспорта, добраться до заимки становилось всё сложнее и сложнее. Жаль было Николаю Фотьеву расставаться с этими благодатными местами, но пришлось. Вот уже несколько лет в домике на берегу Зеи хозяйничает Алексей Воронков, но по сей день там сохраняется та особенная атмосфера, которая может очень много рассказать о её бывшем владельце: везде – стопки журналов, когда-то прочитанных от корки до корки, книги. Премник фотьевской заимки крепко держит своё обещание: сохранить всё в «первозданном» виде, как нечто очень дорогое прежнему хозяину. «Да и незачем там что-то перестраивать, – говорит Воронков. – Всё сделано с умом, на совесть, по-крестьянски»¹¹.

Николай Фотьев до сих пор рассказывает о своём «детище» с неподдельным восторгом. Когда-то на заимке он посадил кедры, саженцы которых были специально привезены ему из Сутарской тайги. «Сейчас, наверное, уже большие»¹², – с блеском в глазах вспоминает писатель.

¹¹ Из личной беседы с писателем. 28 ноября 2007 г.

¹² Из личной беседы с писателем. 18 декабря 2007 г.

Трепетное, сыновнее отношение Николая Фотьева к природе отразилось и на специфике его прозаического творчества. Какую бы тему не затрагивал писатель, он всегда обращается к первооснове человеческого бытия – к связи с природой. Эта связь интересует автора в нравственно-философском аспекте – у него только тот достоин называться настоящим человеком, кто мыслит себя частичкой природы, ощущает тесное, неразрывное единство с окружающим миром.

Мысль о единстве всего сущего на земле реализуется в творчестве писателя через «принцип ассоциаций»: человека Фотьев видит через природу, а природу через человека. В повести «Шиповник» (1971), например, судьба Пашки Тримасова – бывшего заключённого, на протяжении всего произведения настойчиво пытающегося понять своё предназначение в жизни, уподобляется течению реки. В финале повести, когда герой приходит к определенному миропониманию, автор пишет: «Пашкина жизнь вошла в берега»¹³. Тесную связь между миром природы и миром человека чувствует и сам герой. Он замечает, что «травы и деревья отряхнулись, разделись перед сном», а «белый, раздумчивый снег» будто бы «усыплял их» (173). Герой повести «За отчим порогом» (1992) – Генка Осокин – тоже живёт по законам природы. Рассказывая об уходе героя в город на учёбу, Фотьев обращает внимание на то, что он не просто оставил семью, а, подобно растению, «отпочковался» от неё. Позже и сам Генка придет к мысли о единстве всего живого на земле. Возвращаясь домой на каникулы, он замечает, что весна, как женщина-крестьянка, усердно, не покладая рук, выполняет свою нелёгкую работу: «Управилась весна со снегом, будто горячую страду отвела. Круглосуточно трудилась»¹⁴.

Излюбленным приёмом писателя в изображении извечной связи между человеком и природой является психологический параллелизм. Так, в повести «Глухой туман» туман не только природное явление, но и символ глубокого внутреннего разлада,

¹³ *Фотьев Н.И.* Мужчины в доме. Хабаровск. 1971. С. 186. Далее повесть цитируется по данному изданию с указанием страниц в скобках.

¹⁴ *Фотьев Н.И.* Деревенская родня. Хабаровск. 1992. С. 183.

«неразберихи» в душе главного героя – Петра Агеича Малахова, разочаровавшегося во время таёжного похода в своём спутнике и близком друге Геннадии Ивановиче Карбасове: «Ах, какой это был туман! И такая глушь от него! Такая тишина! Он обступал со всех сторон, напоминая густые кучевые облака, которые пробивает иной раз самолёт. Туман, казалось, чуть-чуть шуршал и пенился возле ушей, как парное молоко. Было в этом что-то таинственное и зловещее. Казалось, сделаешь шаг и провалишься в бездну»¹⁵. Туман, «глухой, тяжёлый, плотный», поглощает всё вокруг так же, как и тяжёлые раздумья поглощают душу героя.

Но природа не враждебна по отношению к Малахову. Ведь именно благодаря туману, герой, оказавшийся один среди ночи в лесу, сориентировался в пространстве и выбрался из тайги: «Просто надо держаться ближе к чистой белой стене тумана, где нет деревьев. Там река. Если уходить далеко, стена эта виднеется сквозь призрачные стволы деревьев справа. Это даже хорошо, что есть белая стена» (178). Фотьев настойчиво напоминает, что человек и природа – единое целое, и как только Петр Агеич почувствовал это, у него словно открылось второе дыхание, и он благополучно добрался до посёлка: «Кочки, валежник, ямы, колдобины, сучья, трава, непролазный кустарник, сухие завалы, мхи... Сколько всего этого прошёл Пётр Агеич! А не устал. Нет. Его словно несло, толкало что-то дальше, вперёд. Наверное, он всю ночь вот так шёл бы, пока не упал в изнеможении» (179).

Однако «принцип ассоциаций» представлен в творчестве художника не только отдельными «вкраплениями» в виде сравнений, метафор, образов-символов, он органично вплетается в ткань произведений Фотьева, становится направляющей сознания и поступков персонажей. Главный герой большинства фотьевских произведений – «естественный человек», основополагающие ценности бытия которого неразрывно связаны с землёй. Так, «кровь и плоть» обретает в представлениях Ирины Мерзликиной душа человеческая: «А душа-то, она тоже корни имеет.

¹⁵ Фотьев Н.И. Коренные берега... С. 177. Далее повесть цитируется по данному изданию с указанием страниц в скобках.

Большие корни!» (67). Да и «того бога, что проживал где-то в небесах и которого никто никогда не видел», «Ирина не признавала». Она верит только в то «высшее», что живёт «в самих людях, в деревьях, в травах, в земле родящей, в воде и в воздухе» (51).

Существование «естественного человека» тесно сопряжено с глубокими философскими раздумьями о жизни и смерти, о непрерывности человеческих поколений, о сохранении памяти, корней и традиций. Ирина Мерзликина считает, что человек приходит в этот мир для того, чтобы продолжить жизнь на земле в детях и внуках, оставить память не только о себе, но и своих предках. Она остро ощущает себя связующим звеном в цепи поколений, и даже в родительский день, один из самых главных дней в её жизни, Ирина думает не только о тех, кого уже нет в живых, но и о тех, у кого ещё всё впереди: «Нет, не может Ирина не думать о жизни и о смене молодой. После неё остаются дети и внуки, и ей не всё едино, какие они, как без неё жить будут. И теперь она не только ушедших вспоминает, но и сравнивает их с теперешними и не хочет, чтоб теперешние в чём-то уступали тем, кто жизнь для них поставил» (67). В преддверии родительского дня героиня Фотьева переживает особые чувства и, несмотря на преклонный возраст, находит в себе силы справиться с такой работой, которую в обычные дни ей делать в тягость: «В последние годы Ирине всё трудней управляться враз с квашонкой и вытопкой печи, но в родительский день к завтраку у неё уже всё готово: испечены и помазаны масляным крылышком шанежки, печенюшки и калачи, сварены и покрашены яички» (49).

Но не только Ирина Мерзликина, умудрённая опытом, вырастившая детей и внуков, мыслит себя звеном в непрерывной цепи поколений. Это ощущение знакомо и молодому Веньке Прохорову («Горная малина», 1981), для которого каждый житель приисковой заимки продолжатель своего рода. Глядя на двоюродного брата Авдоньку, отец которого погиб на войне, Венька думает: «...нет Александра Пименова – дяди Сани. Вой-

на взяла. И всё же, как будто есть – вот он, в сыне своём, в Авдоське»¹⁶.

Образ фотьевского «естественного человека», духовно богатого, нравственно состоятельного, восходит к традиции русской классической литературы, к творчеству Л. Толстого и целого ряда писателей-деревенщиков: все они именно в народе, в простом человеке, тесными узами связанным с землёй, видели носителя идеала, общечеловеческих ценностей.

Почти во всех повестях Николая Фотьева гармоничному «естественному человеку» противопоставлен «человек-хищник», разрушающий мир внутри и вне себя, поскольку смысл его жизни заключается в удовлетворении своих собственных потребностей, чаще всего материальных. Чёткая антитеза в системе персонажей, определяющая собой характер конфликта, между естественным, природным и искусственным, связанным с цивилизацией, свидетельствует об уникальном жанровом единстве в творчестве писателя. Эти типы героев, также как и басенные персонажи Фотьева, вполне могут быть вмещены в традиционную схему «герой – антигерой» как один из её возможных вариантов, в результате чего жанр повести в творчестве Н. Фотьева приобретает ярко выраженную дидактическую направленность.

Сильнейшее воздействие жанра басни испытал на себе рассказ. Это выразилось в актуализации рассказа новеллистического типа, который генетически связан с басней. Данная внутривидовая разновидность оказалась очень удобной формой для выражения глубинной мировоззренческой установки писателя – противостоять несовершенству мира. Рассказ новеллистического типа, в основе которого лежит анекдотичная ситуация, чаще всего не рассчитан на смех, вернее, он может его вызывать, но не в этом его истинное предназначение. Писатель, создавая заведомо абсурдную ситуацию, в реальности преследует иную цель: ненавязчиво активизировать читательское сознание, на-

¹⁶ *Фотьев Н.И.* Коренные берега... С. 44.

править его на размышления о серьёзных проблемах мироздания.

Подводя итоги, отметим, что в практике школьного преподавания проведение литературных вечеров на региональном материале должно стать традиционным, поскольку это может способствовать решению целого ряда очень важных задач. Литературный вечер активизирует научно-исследовательскую и поисковую деятельность учащихся, развивает творческие способности школьников (совместно с учителем может быть написан сценарий литературного вечера, подготовлена презентация, возможна инсценировка некоторых басен, организация выставки рисунков-иллюстраций к ним).

В подобных мероприятиях могут участвовать ученики разных классов, что позволяет решать проблемы воспитательно-го характера, а также способствует достижению пропедевтических целей – ученики среднего звена знакомятся с материалом старших классов (проза Н. Фотьева может стать предметом анализа в контексте творчества писателей-деревенщиков).

ПРИЛОЖЕНИЕ

«ОН СЛУЖИТ ПРАВДЕ И ДОБРУ...»:

Сценарий литературного вечера по творчеству Н.И. Фотьева

Звучит песня в исполнении Ф.И. Шаляпина (*слайд 1 – см. электронное приложение к сборнику*).

В конце первого куплета на сцену выходит **Ведущая 1**, дожидается его окончания. Во время её слов музыка звучит чуть слышно.

Ведущая 1: Талантливейший баснописец, замечательный прозаик и поэт, крестьянский сын, кровно связанный с землёй, заядлый охотник и рыбак, мастер на все руки, страстный поклонник дарования Фёдора Шаляпина и просто добрейшей души человек... Это всё о нём: о Николае Ивановиче Фотьеве